

*Александр
Тамоников*

**ЗА ЧАС
ДО ВЗРЫВА**

Москва

УДК821.161.1-312.4
ББК84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 За час до взрыва / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-229734-2

1945 год. На побережье Восточной Пруссии немцы готовят диверсию под кодовым названием «Наводнение». Ее цель — затопить прибрежные районы и тем самым остановить наступление Красной армии на этом направлении. Для предотвращения акции в указанный квадрат направляется группа майора СМЕРШ Алексея Уварова. Имея от командования особые полномочия, он приказывает местному штабу отключить в округе все электронное оборудование, чтобы выявить расположение фашистских мин. Задумка срывается. Но в последний момент становится ясно, что обнаружены не сами заряды, а всего лишь отвлекающие приманки. За считанные часы, оставшиеся до рокового взрыва, майору и его подчиненным предстоит сделать невозможное...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229734-2

© Тамоников А.А., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

Эфир над Восточной Пруссией весной 1945 года представлял собой густую, кипящую кашу из помех. Сквозь треск немецких «штопфов» — систем создания радиопомех, — вой пишущих американских «Синкфоров», передающих сводки с западного фронта, и бесконечный поток открытых переговоров советских армейских сетей нужно было уловить тонкую, ядовитую нить. Нить контрразведки. Дежурный радист 3-го отдела Управления «Смерш» 3-го Белорусского фронта старший сержант Николай Калинин уже шестой час подряд вжимал чашки тяжелых наушников ТА-4 в уши. Кожаные амбушюры были мокрыми и скользкими, а лоб от напряжения покрылся липкой испариной. Перед ним стоял трофейный, но идеально отлаженный немецкий радиоприемник «Телефункен» E 52b, настроенный на частотный диапазон, где, по данным аналитиков, могла работать агентурная сеть «Абвер-2» по диверсионному обеспечению обороны Кенигсберга. Его пальцы, покрытые мелкими шрамами, лежали на

ручках тонкой настройки. Он весь был обращен в слух. Но он не просто слушал — он фильтровал. Отсекал статические выбросы, привычный гул, узнавал почерк разных операторов по ритму ключа. Это была рутина, доведенная до автоматизма, но вот в 01:17 по московскому времени в наушниках возник новый, незнакомый сигнал. Короткий, как укол. Три быстрых пакета морзянки, каждый не длиннее двух секунд. Искаженные, словно прошедшие сквозь каменную стену, но с фирменной, четкой «рукой» немецкого профессионала. Калинин мгновенно схватил карандаш и на стандартном бланке радиogramмы вывел: «01:17. Неопознанная частота 7125 кГц. Три коротких пакета, цифровой шифр. Помеха сильная, качество приема 30%. Записано». Он дернул шнур звонка, висевший у стола.

— В шифровальную для первичной обработки, — сказал он тут же возникшему сержанту и передал бланк.

Калинин откинулся на спинку стула, снял наушники и на секунду прикрыл глаза. В ушах стоял звон от многочасового напряжения. Он потер переносицу, чувствуя, как дрожат пальцы — не от страха, а от адреналинового спада после сверхконцентрации внимания. Его пост в подвале особняка в прифронтовом Инстербурге был его крепостью: на столе кроме «Телефункена» лежала пачка затертых до дыр частотных справочников, ламповый вольтметр и стояла кружка с холод-

ным, горьким чаем. На стене висела карта фронта с множеством флажков, но его мир ограничивался шкалой гетеродина и свистом в динамиках. Он знал: его работа невидима. От нее не было грохота артподготовки. Но иногда именно такой короткий ядовитый сигнал значил больше, чем доклад целой разведроты. Он сделал глубокий вдох — запах пыли, нагретого металла и машинного масла заполнил легкие — и снова натянул наушники. Дежурство продолжалось. Но что-то в скорости той передачи, в ее неестественной срочности заставило пробежать по спине холодок. Он это запомнил.

Капитан Леонид Орлов, начальник шифровального отделения, получил бланк через десять минут. Его кабинетом была комната без окон, с двойной дверью, обитой войлоком. Воздух пах озоном от электричества, типографской краской и сухим деревом. На массивном столе, помимо кип бумаг, стоял главный инструмент — шифровальная машина М-100 «Искра». Небольшой, похожий на пишущую машинку ящик из темного дуба с двумя рядами клавиш и системой вращающихся дисков-роторов внутри. Каждый диск имел сложную, уникальную коммутацию. Принцип был взят у трофейной «Энигмы», но переработан советскими инженерами до неузнаваемости — вместо трех роторов стояли пять, а схема их движения была нелинейной, что делало взлом методом «грубой силы» практически невозможным

даже для самих создателей, не знавших настройки на конкретный день. Орлов, шурясь под зеленым абажуром настольной лампы, вставил ленту с записью радиосигнала в считывающее устройство. Его пальцы, тонкие и длинные, привычно пробежали по клавишам, вводя текущий кодовый ключ из криптографической книги, которая хранилась в сейфе. Он установил роторы в стартовую позицию, указанную в ключе. Машина ожила, тихо жужжа. На бумажной ленте начали печататься группы из пяти цифр. Это был промежуточный этап — перевод радиосигнала в числовой шифр. Потом началось главное: капитан начал вводить эти группы на «Искре», пытаясь подобрать алгоритм дня для сети «Абвер-2». Он перепробовал три стандартных ключа, захваченных с немецкими шифровальщиками в прошлом месяце. Машина выдавала лишь бессмысленный набор букв. Орлов не спешил. Он знал, что немцы могли сменить процедуру набора цифр. Он начал ручной перебор наиболее вероятных комбинаций смещения роторов, основываясь на анализе прошлых перехватов. Через сорок семь минут напряженной работы, когда в плечах почувствовалась каменная тяжесть, на бумажной ленте четко отпечатались осмысленные немецкие слова: «...FLUT... SCHLEUSEN... FRISCHE... NEUS...»

Он замолчал. «Наводнение... Шлюзы... Фришес... Нойх...» Фришес-Хафф. Нойхефнерские шлюзы. Его мозг, натренированный годами ра-

боты, мгновенно соединил разрозненные обрывки в единую чудовищную картину. Он не был полевым оперативником, но карта Восточной Пруссии четко отпечаталась у него в голове. Система дамб и шлюзов, отгораживающих плодородные польдеры от залива. Если их уничтожить... Лед еще не сошел. Талая вода с Вислинской косы, плюс штормовой нагон с Балтики... Вся низменность, все тыловые коммуникации двух фронтов, дороги для подвоза снарядов к Кенигсбергу превратятся в ледяное, непроходимое болото. Наступление остановится на недели, если не на месяцы. Цена — тысячи жизней солдат, увязших в грязи под немецким огнем.

Капитан Орлов медленно снял очки и протер линзы краем гимнастерки. Рука была абсолютно твердой, сухой. Внутри же все сжалось в ледяной, тяжелый ком. Это была не просто диверсия. Это был стратегический удар по самому сердцу наступательной операции. Паника была бесполезна, она вела к ошибкам. Его задачей было превратить сырой перехват в безупречный документ. Он взял чистый бланк «Совершенно секретно» и тщательно, каллиграфическим почерком, вывел: «Расшифрован обрывок радиограммы предположительно сети «Абвер-2». Кодовое название операции — «НАВОДНЕНИЕ» (FLUT). Упоминаются шлюзы Фришес-Хафф. Общий контекст указывает на подготовку диверсии с целью масштабного затопления прибрежных низменностей. Текст

неполный, требуется перехват последующих сообщений». Он поставил дату, время, свою подпись и звание. Никаких эмоций, только факты. Но, передавая бланк курьеру для немедленной доставки оперативному дежурному по управлению, он встретился с ним глазами и кивнул. Этого было достаточно, чтобы курьер понял все без слов и почти побежал по коридору.

Бланк лег на стол полковника Виктора Сергеевича Малинина, начальника 2-го оперативного отдела Управления «Смерш» по 3-му Белорусскому фронту, ровно через час после расшифровки. Его кабинет был аскетичен: сейф, два стула для посетителей, огромный стол, заваленный картами и сводками, и портрет Верховного главнокомандующего в простой рамке на стене. За окном, в предрассветной мгле Инстербурга, гудели моторы «Студебекеров», везущих к фронту снаряды для завтрашнего штурма очередного укрепленной. Малинин прочитал донесение Орлова дважды. Потом откинулся в кресле, сцепив руки на животе. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, оставалось неподвижным, но глаза, маленькие и очень внимательные, сузились. Он начал внутренний анализ, четко следуя отработанному мысленному алгоритму — циклу НОРД, который он требовал от всех своих подчиненных. Наблюдение (N). Факт № 1: перехвачен и частично расшифрован приказ/сообщение абвера под кодовым названием «Наводнение». Факт № 2: объ-

ект — шлюзы Фришес-Хафф (система Нойхефнерских шлюзов). Факт № 3: время — весна 1945 года, период паводка, лед на заливе еще не полностью сошел. Факт № 4: контекст (подразумеваемый) — стратегическая диверсия с целью срыва наступления РККА на Кенигсберг.

Ориентация (О). Соединяем факты. Шлюзы — ключевой элемент защиты польдерных земель от вод залива. Их разрушение в период паводка вызовет катастрофическое затопление низменности. Глубина затопления: от полуметра до трех метров на обширной территории. Последствия. Военные: полный паралич движения колесного и гужевого транспорта. Остановка наступления минимум трех стрелковых корпусов (9–10 дивизий), вынужденных застрять на берегах образовавшихся протоков. Потеря артиллерии и тягачей в топи. Дезорганизация тылового снабжения всей восточно-прусской группировки. Логистические: основные шоссе и железные дороги, идущие вдоль косы, уйдут под воду. Подвоз боеприпасов к фронту прекратится. Временной фактор: паводок и штора могут продлить последствия на 2–3 недели. Немцы получают передышку для перегруппировки и усиления обороны Кенигсберга.

Решение (Р). Гипотеза № 1 (90% вероятности): немцы планируют физическое уничтожение шлюзов с помощью подрыва или иного метода. Это соответствует их тактике «выжженной земли». Гипотеза № 2 (10%): дезинформация с целью

отвлечения наших сил с главного направления. Но цена и специфика цели (шлюзы) слишком велики и реалистичны для блефа. Необходимые действия: немедленно доложить в Центр (Москва, Абакумову) и командованию фронта. Запросить все имеющиеся данные по обороне объекта от разведотдела фронта и инженерных войск. Немедленно выделить оперативную группу Смерша для выявления и нейтрализации угрозы. Группа должна иметь карт-бланш, ибо на месте ей могут противостоять не только немцы, но и местные бюрократы от НКВД или ВМФ, не понимающие всей стратегической картины. Усилить перехват на данном направлении.

Действие (D). План ясен. Нужен человек, способный действовать на стыке контрразведки, диверсии и жесткого администрирования. Человек, который не испугается арестовать генерала, если тот будет мешать выполнению приказа Ставки. Майор Алексей Уваров. Гроза. Сейчас он находится в резерве управления после операции по очистке тылов 5-й армии. Его нужно вызывать. Немедленно. «Десять дивизий в грязи. Триста танков, брошенных как мишени для авиации. Сорок тысяч бойцов, без снарядов и хлеба сидящих по пояс в ледяной воде. И все это — из-за одного вовремя необезвреженного заряда. Немцы не дураки. Цель выбрана идеально. Удар не по войскам, а по местности. По пространству. Самый дешевый и эффективный способ остановить

армию. Дезинформация? Нет. Слишком сложно и специфично для дезы. Это реальная угроза. Значит, у них есть план, средства и исполнители на месте. Исполнители — либо заброшенные диверсанты, либо оставшиеся в тылу группы «Вервольф». Средства — взрывчатка, много взрывчатки, или инженерный способ разрушения конструкций. План — должен быть синхронизирован с погодой, с паводком. У нас очень мало времени. Часы, возможно, сутки. Нужен Уваров. Только он сможет пробить любую стену бюрократии и найти эту мину. Его группа: сапер, водолаз, специалист по прослушке. Логично. Работа будет под водой и у воды. Приказ Ставки даст ему все необходимые для выполнения задания полномочия. Остальное — дело техники и его звериного чутья». Монолог занял не более минуты реального времени. Полковник Малинин открыл глаза и потянулся к черному телефонному аппарату ВЧ-связи.

— Утверждаю, — раздался после короткой паузы в трубке голос. — Готовьте проект Директивы Ставки за подписью товарища Абакумова для визы Верховному. Основание — предотвращение стратегической диверсии противника. Майору Уварову предоставить чрезвычайные полномочия на месте вплоть до отстранения от должности лиц, препятствующих выполнению задачи. Цель — любой ценой. Повторяю, любой ценой предотвратить подрыв. Группу формировать по его усмотрению. Сроки — немедленно.

— Есть, — четко ответил Малинин и положил трубку.

Он нажал кнопку звонка. В кабинет вошел его адъютант, старший лейтенант с портфелем.

— Директива Ставки ВГК. Срочно. Бланк «Особой важности», — отрывисто сказал полковник. — Пишите. «Ставка Верховного главнокомандования. Командующему войсками 3-го Белорусского фронта, начальнику ГУКР «Смерш». В связи с поступившими данными о подготовке противником диверсии под кодовым названием «Наводнение» с целью катастрофического затопления прибрежных районов Восточной Пруссии путем уничтожения шлюзовых сооружений Фришес-Хафф ПРИКАЗЫВАЮ...»

Малинин диктовал медленно, взвешивая каждое слово. В тексте приказа появились формулировки «незамедлительно выделить», «обеспечить всем необходимым», «оказывать всемерное содействие» и самая важная: «Предоставить майору Уварову А. И. (позывной Гроза) право принимать любые решения на месте, необходимые для выполнения данной задачи, вплоть до отстранения от должности командиров и начальников, чьи действия или бездействие создают угрозу срыва операции». Это был карт-бланш. Меч и щит в одном документе.

Адъютант, не отрывая пера, выводил каллиграфические буквы на плотной, с водяными знаками бумаге. Его лицо было сосредоточенным,

лишь легкая дрожь в запястье выдавала волнение от важности момента. Полковник Малинин стоял у окна, глядя на постепенно светлеющее небо, но не видел его. Он мысленно просчитывал логистику: какой транспорт выделить Уварову, как обеспечить связь, какие дополнительные ресурсы из резерва фронта можно задействовать. В кабинет вошла машинистка, девушка в форме, ее глаза были красными от недосыпания. Малинин отдал ей написанный от руки проект. Та села за «Ундервуд», и через несколько минут кабинет заполнился резким, отрывистым стуком клавиш. Каждый удар был подобен выстрелу. Когда листок был отпечатан в трех экземплярах, Малинин собственноручно поставил визу «СОГЛАСЕН». Потом взял печать «Совершенно секретно», тщательно приложил ее к штамповальной подушечке и с нажимом оттиснул на каждом экземпляре. Красная звезда с буквами «СС» легла четко. Документ обрел силу. Теперь его нужно было везти на подпись в Москву и одновременно — запускать механизм исполнения здесь, на месте.

— От инстанции к инстанции без задержки, — сказал вошедшему старшине Малинин, глядя прямо в глаза. — Это важнее, чем любой снаряд. Если застрянешь — используй полномочия, назови мою фамилию. Понял?

— Так точно, товарищ полковник! — старшина щелкнул каблуками, взял под козырек и, прижав планшет к боку, стремительно вышел.

Одновременно полковник взял второй телефон, обычный полевой аппарат, и набрал номер телефона дежурного по общежитию оперативного состава.

— Немедленно разыскать и доставить ко мне майора Уварова. Он может быть на стрельбище, в бане или может спать. Разбудить, одеть, привезти. Время — тридцать минут. Основание — приказ по линии «Смерть шпионам». Об исполнении доложить.

Он бросил трубку. Теперь нужно было ждать. Но это была не пассивная пауза. Малинин достал из сейфа оперативную карту района Фришес-Хафф и начал ее изучать, делая пометки карандашом. Он отмечал возможные точки высадки диверсантов, расположение наших постов, инженерных частей. Он готовил для Уварова первичную информацию, чтобы тот не начинал с нуля. Работа аппарата, несмотря на запредельную срочность, должна была быть слаженной и точной, как механизм швейцарских часов. Каждая секунда, сэкономленная сейчас, могла означать спасенную жизнь солдата на передовой завтра.

В комнате дежурного по общежитию зазвонил телефон. Дежурный, молодой сержант, сонно потянулся к трубке, но, услышав голос полковника Малинина и слова «приказ по линии «Смерть шпионам», мгновенно вскочил, вытянувшись в струнку. «Так точно! Немедленно!» — выпалил он. Бросив трубку, он схватил фонарь и ключи

и побежал по темному коридору к двери с табличкой «Майор А. И. Уваров». Он знал этого офицера. Все его знали. Стучал он резко, но не истерично.

— Товарищ майор! Срочный вызов к полковнику Малинину! — Его голос прозвучал сквозь толстую дверь.

Внутри комнаты на мгновение воцарилась тишина. Потом послышался резкий, четкий звук — щелчок снятого предохранителя пистолета. Потом шаги. Дверь открылась. В проеме стоял майор Алексей Уваров. Он был уже одет в свежую гимнастерку, ремень с кобурой ТТ на поясе. Его лицо, освещенное тусклым светом из коридора, было спокойным, но глаза — холодные и пронзительные. Он не спрашивал: «Что случилось?» Он уже понял все по тону дежурного и формуле вызова.

— Через две минуты у выхода, — тихо, но так, что сержанту стало холодно, сказал Уваров и повернулся, чтобы накинуть шинель.

Дежурный поспешил вниз, чтобы завести служебную машину. Он видел, как майор на ходу проверял обойму, щелчком затвора досылая патрон в патронник. Это не была параноя. Это был ритуал. Переход из состояния отдыха в состояние войны.

За окном машины занимался холодный, сырой рассвет весны 1945 года. Где-то там, на побережье залива, тикали часы, отсчитывающие время до начала катастрофы. И только что запущенная

машина Смерша начала набирать обороты, чтобы переломить ход движения этих стрелок.

ГАЗ-67 с погашенными фарами выскочил из ворот штабного городка и помчался по разбитой брусчатке Инстербурга. Майор Уваров сидел рядом с водителем-сержантом, неподвижно глядя в лобовое стекло. Его мозг, еще минуту назад находившийся в состоянии глубокого, восстановительного сна, теперь работал на частоте боевой тревоги. Он не знал деталей. Но знал главное: если вызывают так — значит, где-то пробита брешь. Где-то враг готовится нанести удар. Его рука лежала на колене, пальцы слегка постукивали по твердой рукоятке пистолета. Отстукивали тот же ритм, что и роторы шифровальной машины в подвале. Ритм приближающейся схватки.

Машина резко свернула к зданию управления.

ГЛАВА 1

Армейский «козлик» с глушителем, надвинутым на выхлопную трубу, резко затормозил у тыльного входа штабного особняка. Кирпичное здание бывшего земельного суда, испещренное свежими заплатами от осколочных пробоин, стояло в глубокой тени. Лишь в двух окнах второго этажа тускло мерцал свет керосиновых ламп. Майор Алексей Уваров вышел из машины, не дожидаясь, пока сержант-водитель обойдет капот. Ступил на обледенелый асфальт, резко вдохнув воздух, пропитанный запахом махорки, машинного масла и далекой, привнесенной ветром с запада пороховой гари. Он скинул шинель на сиденье, остался в гимнастерке с петлицами майора госбезопасности, туго перехваченной ремнем с кобурой, в которую он только что убрал пистолет. Холод апрельской ночи обжигал лицо, прочищая мозг от последних остатков сна.

Дежурный у тяжелой дубовой двери, ефрейтор с автоматом ППШ-41 на груди, увидев подходящую фигуру, шелкнул каблуками, но не произнес

ни слова. Просто отпер массивный замок и оттянул дверь на себя. Уваров кивнул, шагнул внутрь. Дверь захлопнулась за его спиной с мягким стуком. Коридор был пуст, длинен, освещен редкими, низко висящими лампочками под зелеными колпаками. Где-то далеко тикали часы. Его сапоги с пряжками глухо стучали по каменным плитам.

Он поднялся по широкой лестнице на второй этаж, свернул в знакомый коридор. У двери с табличкой «Нач. 2-го опер. отдела» стоял адъютант полковника Малинина, старший лейтенант. Молодое лицо было напряженным, восковым от усталости.

— Товарищ Уваров, прошу, вас ждут.

Уваров вошел, не постучав.

Кабинет полковника Малинина тонул в полумраке. Основной свет давала керосиновая лампа «Летучая мышь» на столе, отбрасывающая дрожащие тени на стены, завешанные оперативными картами. Воздух был густым от табачного дыма и запаха свежей типографской краски. За столом, спиной к окну, затянутому черной маскировочной бумагой, сидел полковник Виктор Сергеевич Малинин. Он не выглядел уставшим. Он казался выкованным из чугуна. Его руки лежали перед ним на столе, ладонями вниз, рядом с ними находилась папка цвета хаки с завязками и стояли два телефона — черный полевой и аппарат ВЧ-связи с красным корпусом.